

УДК 792. 09

Гриценко Е.П.¹**ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ ПОСТАНОВКА «ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ» В ЯСНОЙ
ПОЛЯНЕ 30 ДЕКАБРЯ 1889 ГОДА²**ФГБУК «Государственный мемориальный и природный заповедник музей-
усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»

Gritsenko E.P.

**AMATEUR PRODUCTION OF "FRUITS OF ENLIGHTENMENT" IN YASNAYA
POLYANA ON DECEMBER 30, 1889**

The Leo Tolstoy Museum-Estate «Yasnaya Polyana»

Аннотация: 30 декабря 1889 г. в Ясной Поляне была сыграна постановка «Плоды просвещения», написанная Л. Н. Толстым для домашней сцены. Организаторами и участниками театрального действия стали члены семьи писателя, его родные и знакомые. Пьеса отражала культурно-бытовой уклад дворянского семейства. Это нашло своё проявление в использовании Толстым характерных шуток, каламбуров, романсов, популярных в семье.

Ключевые слова: Лев Николаевич Толстой, семья, домашний театр, русская усадьба, комедия «Плоды просвещения», культурные и бытовые традиции

Abstract: On December 30, 1889, in Yasnaya Polyana, a production of “The Fruits of Enlightenment” written by Leo Tolstoy for a home theater stage was played. The play reflected not only the Tolstoy family’s cultural and everyday life, but altogether of noble estates of that time, which was conveyed into the writer’s use of feature words, expressions and jokes established within his family. A distinguishing feature of the countryside nobility was playing charades, singing gypsy romances, which were included by Tolstoy into his production.

Keywords: Leo Tolstoy, writer, family, home theater, Russian countryside estate, comedy “The Fruits of Enlightenment”, cultural and everyday life.

Домашний театр в начале XIX века начал проникать в жизнь поместных дворян, которые устраивали спектакли на своих дачах и усадьбах. Он отражал события из жизни семьи, был наполнен иллюзиями и шутками понятными только членам одного семейства.

¹ Гриценко Евгения Петровна – кандидат культурологи, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна».

² Материалы научно-практической конференции «Тульский край в XX веке: достижения, тенденции и судьбы. К 85-летию образования Тульской области». ТулГУ, 15 июня 2023 года.

Особую группу спектаклей, ставившихся в российской усадьбе, составляли те, которые сочинялись и игрались «по случаю». Они ставились с целью оживить жизнь семьи, сделать ее более насыщенной, интересной, деятельной. Театральные начинания помещиков отличались присутствием дилетантизма, что было связано с тем, что участниками любительских спектаклей часто делались не актеры-профессионалы, а просто люди, увлекающиеся искусством. Чаще всего это были члены одной или нескольких семей, их друзья и знакомые. Драматургия «к случаю» писалась наскоро, оставаясь только в памяти «актёров» и зрителей, сохранению текстов пьес не придавали особого значения. Пьесы для домашнего театра были зачастую более свободными по форме, авторы позволяли себе небрежность как в литературной обработке, так и в игре. К созданию пьес и их организации относились как к шутке, забаве.

К спектаклям, поставленным на домашней сцене «по случаю», можно отнести и спектакль «Плоды просвещения», состоявшийся в Ясной Поляне 30 декабря 1889 года. Инициатива организации спектакля исходила от старшей дочери писателя Т. Л. Толстой, которая тогда только вернулась из-за границы и, по словам Софьи Андреевны, «вздумала устроить на праздник какое-нибудь веселье». Для постановки Татьяна Львовна выбрала комедию Толстого «Исхитрились», первоначальное название «Плодов просвещения». С 1886 года пьеса находилась в черновиках и являлась незаконченной. Толчком к её написанию, послужило присутствие Л. Н. Толстого в том же году на спиритическом сеансе московского медиума-любителя Н. А. Львова. Говоря о своём отрицательном отношении к спиритизму, в беседе со своим хорошим знакомым, юристом, Н. В. Давыдовым, будущим режиссером домашнего спектакля, также присутствовавшим на этом сеансе, Л. Н. Толстой назвал подобные эксперименты «обманом, устраиваемым профессионалами» (2, с. 288).

Основой сюжета комедии послужила жизнь семьи Толстого и его светских знакомых. В 1880-е годы писатель особенно остро чувствовал социальную несправедливость между людьми его круга и трудовым народом. Написание пьесы в комедийном духе должно было повлиять на жизнь близких и стало, по существу, главной причиной, по которой он обратился к её созданию (2, с. 288). Поэтому неслучайно, что в самом спектакле, а затем и в пьесе отразилась яснополянская действительность.

Обращает на себя внимание, что Лев Николаевич включил в пьесу ряд примет культурно-бытового уклада своей семьи и светских домов того времени. К примеру, вошли в пьесу приемные дни, «журфиксы», во время которых в Ясной Поляне принимали гостей, приезжавших с визитами. На этих приёмах, проводившихся обычно с трёх часов дня до пяти часов вечера, вёлся общий разговор, проходил обмен новостями, подавалось лёгкое

угощение. Присутствовали в комедии те же светские выезды и многочисленная прислуга, что и в семье писателя.

Яснополянские реалии Толстой вводил в театральный сюжет также в виде популярных в семье шуток, характерных слов и выражений. В 34 явлении I-го действия Бетси, говоря о неудачных каламбурах Петрищева, замечает, что они у него «не вышли». На это он ей отвечает: «Нельзя ведь, чтобы всякий раз выходило. Это вроде аллегри. Аллегри, аллегри, а потом и выигрыш» [2, с. 124]. Словечко «аллегри» было входу в семье Толстых. Особенно часто его использовал Лев Николаевич в тех ситуациях, когда слышал неудачные шутки людей, любивших острить и сочинять каламбуры. Кроме того, слово «аллегри» в ту пору писали на лотерейных билетах, остававшихся без выигрыша. Вошло в домашний спектакль, а позднее в текст самой пьесы (1 явл., IV действие) выражение, нередко говорившееся С. Л. Толстым — «люблю Вово, но странную любовью. К нему не зарастёт народная тропа». Каламбур составлялся из стиха М. Ю Лермонтова: «Люблю тебя я, но странную любовью» и стиха А. С. Пушкина «Памятник»: «К нему не зарастёт народная тропа» [2, с. 124].

Неслучайным, вероятно, стало внесение Толстым в текст роли 1-го мужика слова «двистительно», использовавшееся часто в речи крестьянина из села Гавриловка Самарской губернии, с которым писатель был знаком, и который, как и герой комедии, имел пристрастие к книжному стилю.

Т. Л. Толстая, к примеру, вспоминала, как она в детстве вместе с отцом ездила к его знакомому Василию Никитичу. По её словам, «Это был умный, степенный старик» (7, с. 136). Писатель разговаривал с ним о вере, о сектантах. Хозяин обычно угощал своих гостей чаем с душистым медом и вишнёвыми лепёшками. Он внимательно покачивал головой и приговаривал: «Это двистительно так» (7, с. 136).

Стремясь отразить увлечение в дворянском обществе театром, автор внёс в комедию шарады, ставившиеся в те годы Толстыми и их знакомыми. Свидетельствует об этом и шарада «Аре-на», которая в 1880-е годы разыгрывалась в доме Павла Алексеевича Капниста, попечителя московского учебного округа, которого Толстые хорошо знали. Она была сочинена Фёдором Львовичем Сологубом, племянником графа В. А. Сологуба, известного поэта и писателя, автора повести «Тарантас». Семью писателя, особенно её молодых представителей, и Капнистов связывали тесные дружеские отношения. В их московском доме часто собиралась светская молодёжь, устраивая совместные с Толстыми театральные постановки. В числе исполнительниц шарады «Аре-на» находилась Т. Л. Толстая.

О том, что при написании пьесы Толстой учитывал особенности образа жизни семьи того времени, свидетельствуют и черновые варианты комедии, где фигурирует фамилия Капнистов. Так, в 1-м действии Бетси, спрашивает Вас. Леон. Звездинцева, поедет ли он к Капнистам (8, с. 650).

Вошла в спектакль и придуманная Л. Н. Толстым в 1880-е годы шарада «ма-кин-тож-кар-тож-ка», подробное объяснение и происхождение которой даётся С. Л. Толстым в его статье, посвящённой первой постановке «Плодов просвещения» [2, с. 124].

Заимствования из жизни семьи Толстых культурно-бытового характера прослеживаются также через введение Л. Н. Толстым в пьесу цыганских романсов и стремление героев подражать цыганскому пению, что также было очень популярным у Толстых в 1880-е годы.

Рассмотрение бытовых и культурно-исторических реалий пьесы, помогающих автору воссоздать эпоху, позволяет утверждать, что по своей социальной направленности его комедия была живым изображением жизни тогдашнего высшего дворянства. Подтверждением этого становится и тот факт, что первоначально фамилии некоторых героев (Самарин, Стахович, князь Львов) были взяты автором из действительной жизни и только потом им переделаны.

Примечательно также и то, что ряд персонажей комедии появился у Толстого под влиянием людей, которых он хорошо знал. Прототипом Леонида Фёдоровича Звездинцева стал Николай Алексеевич Львов, живший в Москве, в своём доме на Смоленском бульваре, увлекавшийся философскими идеями Блаватской и веривший в переселение душ. После написания комедии семья Львовых даже обиделась на писателя, и одно время отношения между ними и Толстыми испортились.

Знакомство писателя с богатым помещиком Петром Фёдоровичем Самариным подсказало ему образ Сахатова, названного первоначально Самариним. П. Ф. Самарин был братом известного славянофила, деятеля по крестьянской реформе Юрия Фёдоровича Самарина, и на протяжении нескольких лет являлся тульским губернским предводителем. Подобно Сахатову Пётр Самарин, по словам С. Л. Толстого, считался человеком «большого европейского образования и всем интересовался» [2, с. 122]. Роль Шпюллера, позднее Гросмана, появилась у Толстого под впечатлением его встречи с известным гипнотизёром Фельдманом, побывавшего у него в Москве в 1889 году. В своём дневнике 17 апреля 1889 года Л. Н. Толстой писал: «Пришёл Фельдман, гипнотизатор. Шарлатанство, а что не шарлатанство, то не нужно (9, с. 68).

Прототипом профессора Кутлерова, а впоследствии Круглосветлова стали профессор

и зоолог Н. П. Вагнер и знаменитый химик А. М. Бутлеров. В поведении последнего писатель, по его собственному признанию, увидел с одной стороны, «исповедание строгих научных приёмов», а с другой стороны, следование «самым фантастическим построениям и утверждениям» (8, с.650).

Стремление автора приблизить своих героев к зрителю, вылилось в то, что актёры на сцене играли, по существу, тех же персонажей, с которыми они встречались в реальной жизни. К примеру, в Коко Клингене, которого играл Василий Васильевич Давыдов, племянник Н. В. Давыдова, приятель И. Л. Толстого, яснополянцы и их гости узнавали Николая Андреевича Кислинского, сына некрупного тульского помещика, председателя Тульской губернской земской управы, Андрея Николаевича Кислинского. Молодой Кислинский окончил юридический факультет, был талантливым любителем-дилетантом в музыке, и отличался стремлением войти в высшее общество. Молодёжь в доме Толстых к Кислинскому относилась пренебрежительно, что было связано с его намерением жениться на Татьяне Львовне, которое казалось ей смешным. И это нашло отражение в комедии в отношениях Коко и Бетси.

Прообразом мисс Брук стала гувернантка Толстых мисс Лейк. Позднее Толстой заменил эту роль и ввёл в текст пьесы роль Марьи Константиновны, в которой узнавалась жившая с 1887 года в доме Толстых в Ясной Поляне учительница музыки Екатерина Николаевна Кашевская.

Роль Петрищева исполнил Л. Л. Толстой, который и сам в те времена являлся, студентом I курса Московского университета. Лакей Григорий, «смазливый молодой человек, грубо ухаживавший за горничной», и Яков, «невзрачный и неумелый [2, с. 123], напоминали прислугу в Ясной Поляне.

Стремясь к портретному сходству действующих лиц с людьми из жизни, Толстой наделил своих героев теми специфическими чертами характера и поведения, которые присутствовали у его близких. И это также придавало комедийный характер всей пьесе. Так, нервность Анны Павловны и боязнь заразиться какой-либо болезнью напоминало С. А. Толстую, а чрезмерно энергичное пожатие руки Бетси выдавало Т. Л. Толстую. Забавная привычка ради шутки хрюкать поросёнком была свойственна И. Л. Толстому и частично проявилась в образе Гроссмана. Увлечение каламбурами и игрой слов было свойственно С. Л. Толстому и прослеживалось в роли Петрищева.

Историческая достоверность описываемых событий и приближенность к жизни семьи Толстых, просматривалась уже в фабуле комедии, в центре которой находилась покупка крестьянами земли через крестьянский банк. Скорей всего, идея включить эту

подробность в пьесу, возникла у Толстого под впечатлением разговоров о крестьянском банке, открывшимся в Туле в январе 1887 года, в котором с сентября 1888 года по декабрь 1889 года служил С. Л. Толстой. Старший сын писателя, в частности, вспоминал, как он в те времена нередко рассказывал отцу о том, насколько крестьянам трудно «уплачивать доплаты к судам банка» [2, с. 121].

Приведённые факты позволяют согласиться мнением с театроведа Е. И. Поляковой о том, что пьеса Толстым создавалась по «принципу узнаваемости», что делало возможным устроителям спектакля «видеть в комедии себя, черты своих друзей и знакомых, реально происшедшие в доме события» [1, с. 151].

В свою очередь, это становилось основой залога будущего успеха спектакля. Его актерский состав включал артистов-любителей, которые хорошо друг друга знали. По определению С. А. Толстой, её дочь Татьяна «набрала прекрасную труппу из друзей» и знакомых. В их числе, к примеру, находился Н. В. Давыдов, прокурор окружного суда в Туле, игравший профессора. Сергей Алексеевич Лопухин, товарищ прокурора окружного суда играл барина, Соня Мамонова, художница и подруга Т. Л. Толстой, представила барыню, Мария Рачинская, будущая жена Сергея Толстого, играла Бетси, буфетного мужика Семёна сыграл Иван Раевский, сын Ивана Ивановича Раевского, помещика Тульской и Рязанской губернии, земский деятель.

Исполнителем роли 3-го мужика стал знакомый семьи, Владимир Михайлович Лопатин. «Когда он комично и выразительно говорил: «Курицу некуда вывести» – все дружно покатывались со смеху», – писала жена писателя в своих воспоминаниях (6, с. 109). Щеголеватого лакея Григория сыграл сын известного математика, молодой педагог Александр Цингер, а маленького добродетельного лакея исполнил учитель детей писателя, Алексей Митрофанович Новиков.

Значительную часть актёров, задействованных в постановке, составили дети писателя и его родственники. Старшая дочь Татьяна играла горничную и старую графиню, средняя дочь Мария – кухарку. Сыновья Сергей и Лев сыграли С. И. Сахатова и Петрищева. Племянница Толстого Марья Кузминская исполнила роль Анны Павловны Звездинцевой, а Вера Кузминская – роль гостыи. Участие в спектакле лиц, часто бывавших у Толстых, и хорошо знавших уклад этой дворянской фамилии, вероятно, являлось одним из условий организации спектакля, и способствовало успешной игре. Поскольку актёры должны были исполнять на сцене то, что происходило с ними в обычной жизни.

Вспоминая о том времени, С. А. Толстая писала: «Весь наш дом был полон гостей. Спали везде, где только было возможно, даже на поставленной сцене. Я совершенно, как

говорится, с ног сбилась, столько было забот о пище, ночлеге, отвозе и привозе гостей» (6, с.109). Несмотря на непринуждённую обстановку и веселье, все участники с особым «благословением отнеслись» к исполнению своих ролей. «Разучивали усердно роли, всеми силами старались поставить пьесу, как можно лучше», – писала С. А. Толстая о том времени (6, с.110). Вспоминая об игре актёров-любителей, жена писателя отмечала, что её дочь Таня «живо и грациозно» играла горничную, «хорош» был и Сергей Толстой, а профессора Сахатова «прекрасно» (6, с.110) сыграл Николай Васильевич Давыдов.

Вообще, нужно отметить, что отбор участников театра из числа лиц, которых хорошо знали Толстые, повлияло и на то, что режиссёром постановки стал Н. В. Давыдов. Увлечённый театрал и знаток драматического искусства он занимался также вопросами устройства сцены и приглашением в Ясную Поляну актёров из Тулы и Москвы. Поскольку в пьесе было большое количество действующих лиц и своих сил не хватало. Это был спектакль, в котором каждый актёр хорошо знал друг друга, что способствовало созданию особой дружеской атмосферы, объединяло участников театрального действия, способствовало раскрытию их творческих задатков.

Характеризуя любительскую постановку, следует отметить, что её организаторы очень серьёзно старались подойти к делу, подготовив сцену, выпустив программу и афишу, одев «актёров», в специально сшитые костюмы, пригласив профессионального гримёра. Серьёзность подхода постановщиков спектакля выразилась также и в том, что декорации к нему были сделаны при содействии профессионала-декоратора Тульского драматического общества «Иван» (2, с. 288).

Вместе с тем дилетантизм, свойственный любительскому театру, в яснополянском спектакле также проявился в полной мере. Как писал С. Л. Толстой: «Не все хорошо играли, не все выучили свои роли. <...> Суфлер был часто слышен» [2, с. 120]. Вероятно, во многом это объяснялось, прежде всего, особенностями жизни в Ясной Поляне, простотой её уклада и раскованностью взаимоотношений её обитателей. Вместе с тем расположение усадьбы, её удалённость от города и близость к естественной, природной среде позволяли обрести здесь не только покой, но и свободу в занятиях для души. Домашнее музицирование, пение и театр, составлявшие основные формы досуга дворянской семьи, также содействовали развитию творческой активности и способности импровизировать.

Для «актёров-гостей», не зажатых жестким обязательным регламентом усадебного быта, и приехавших к Толстым на отдых, она приобретала значение дачи. Уже сама временность их пребывания здесь вызывала раскованность, склонность к импровизации. Все эти обстоятельства помогли создать оригинальный домашний спектакль, который более не

повторился ни на одной профессиональной сцене.

Деятельное участие в устройстве постановки в Ясной Поляне принял сам писатель, лично распределяя роли, присутствуя на репетициях. Последнее давало ему возможность не только наблюдать за игрой «актёров», но и вносить необходимые коррективы и дополнения. По словам А. М. Новикова, участника домашнего спектакля пьеса непосредственно перед показом на сцене переделывалась 20-30 раз (4, с. 213). Дневниковые записи писателя от 17, 18, 22, 27 декабря 1889 года дают нам представление о том, как интенсивно он работал над пьесой, постоянно оставаясь неудовлетворенным результатом.

Рассмотрение фактов, характеризующих работу автора домашней постановки, позволяет утверждать, что источником для него становилась живая речь «актёров», которые даже во время репетиций не следовали своим ролям, а вместо этого произносили выдуманные ими тексты. И писатель в том или ином виде вносил их импровизацию в свою комедию. К примеру, на одной из репетиций его так «пленила» (4, с. 289) игра В. М. Лопатина, игравшего мужика, что он сразу после этого внёс в пьесу ряд исправлений, добавив к его роли несколько новых фраз.

Понять подходы, которыми Толстой руководствовался в написании пьесы, поможет его собственное признание, приведённое в воспоминаниях В. М. Лопатина. Писателем, в беседе с ним, в частности, было высказано: «...Я всегда упрекал Островского за то, что он писал роли на актёров, и теперь я его понимаю; если бы я знал, что третьего мужика будете играть вы, я бы многое иначе написал: ведь вы мне его объяснили, показали, какой он; надо будет изменить» (3, с.98).

О том, что отклонения от авторского текста на сцене допускались подтверждал Н. В. Давыдов, отмечавший, к примеру, что во время исполнения им роли профессора, которую он не смог до конца выучить, ему пришлось «фантазировать». Между тем автор похвалил игру Давыдова, сказав, что хотя он «не узнал своего текста, но, тем не менее это было «на пользу пьесе (2, с. 288).

Метод работы автора в конечном итоге сводился к тому, что он создавал пьесу «по исполнителям» (4, с. 213), учитывая особенности характера и поведения, интонации и мимики «актёров». Общение Льва Николаевича с участниками спектакля, его наблюдения за ними в жизни, непосредственно во время репетиций давало ему материал для домашнего спектакля и текста его будущего драматического произведения. Ценные наблюдения художником были сделаны и после самой постановки, позволившей ему дополнить роль Шпюллера (Гроссмана), профессора, кухарки; ввести в состав действующих лиц роль старого повара, артельщика Бурдые и кучера.

Домашняя постановка, ставившаяся, по существу, для одной семьи, привлекала к себе внимание очень многих знакомых Толстых, специально приехавших в Ясную Поляну целыми семьями. В числе зрителей находились, к примеру, Рачинские, Цингеры, Давыдовы, Мамоновы, Лопатины.

Успех любительской постановки был подготовлен во многом благодаря актёрской игре. Н. В. Давыдов в своих воспоминаниях назвал «первоклассными» актёрами Марию и Татьяну Толстых, А. М. Новикова и В. М. Лопатина, ставшего впоследствии актёром Московского Художественного театра. Организация любительской постановки в Ясной Поляне подтолкнула писателя к завершению комедии, работу над которой он продолжал до апреля 1890 года, а затем в мае, во время правки корректур. Впервые «Плоды просвещения» были напечатаны в 1890 году в тринадцатой части сочинений Толстого «Последних годов» (5), а затем в 1891 году в книге «В память С. А. Юрьева» (1).

На основании вышеизложенного можно заключить, что любительский театр входил в культурно-бытовой уклад семьи Л. Н. Толстого, её досуг. Подмеченные писателем характерные детали образа жизни его близких и окружения дворянской фамилии нашли отражение в домашнем спектакле и стали для Толстого важным источником в воссоздании объективной картины жизни аристократического сословия того времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. В память С. А. Юрьева. Сборник, издаваемый, друзьями покойного. М., 1891–1895.
2. Давыдов Н. В. Из прошлого. М.: Тип. И. Д. Сытина, 1905, С. 288.
3. Лопатин В. М. Из театральных воспоминаний // Лев Николаевич в воспоминаниях современников в 2-х т. Т. 2. М.: «Художественная литература», 1978. С. 98.
4. Новиков А. М. Зима в 1889–1890 гг. в Ясной Поляне // Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник. М. Л., 1928. С. 213.
5. Сочинения графа Л. Н. Толстого последних годов. Ч. 13. М. Тип. А. М. Мамонтова и К., Леоневский переулоч пер. № 5. 1890.
6. Толстая С. А. Моя жизнь. В 2-х т. Т. II. 1844–1866. М., 2011. С. 108.
7. Толстая Т. Л. Воспоминания. М., 1978. С. 136

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Полякова Е. И. Театр Льва Толстого. М.: Искусство, 1978. С. 151.
2. Толстой С. Л. История писания и первой постановки «Плодов Просвещения»

// Театр, 1940. № 6. С. 124

REFERENCES (transliteration)

1. Polyakova E. I. Teatr L`va Tolstogo. M.: Iskusstvo, 1978. S. 151.
2. Tolstoj S. L. Istoriya pisaniya i pervoj postanovki «Plodov Prosveshheniya» // Театр, 1940. № 6. С. 124

Рецензент: Елена Олеговна Межуева - Заведующий кафедрой социальных и политико-правовых дисциплин Тульского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), канд. филос. наук, доцент.